

Н. Лернер

ИЗ ИСТОРИИ ЗАНЯТИЙ ПУШКИНА «СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

I

С 1834 г. вплоть до самой смерти Пушкина «Слово о полку Игореве», которое, по его выражению, «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности», было предметом его усиленного внимания. Вскоре после смерти поэта один из его последних собеседников, несколько недель назад говоривший с ним, писал: «его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки»¹. Весною 1836 г. Пушкин сказал С. П. Шевыреву, что изучает поэму, и сообщил ему свое толкование первых слов ее. «Слово о полку Игореве он помнил — рассказывал Шевырев — от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров... Известно, что Пушкин готовил издание Слова о полку Игореве. С глубоким уважением говорил он об его поэтических достоинствах и не сочувствовал нисколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время»². Тогда же он говорил о своих занятиях Словом другому

¹ *Н. М. Коркунов*. «Письмо к издателю». «Московские ведомости» 10 февраля 1837 г. № 12.

² «Воспоминания Шевырева о Пушкине» (*Л. Н. Майков*, «Пушкин», СПб, 1899, стр. 331, 354).

ученому, И. М. Снегиреву¹. За несколько дней до кончины поэта И. П. Сахаров «слышал его предсмертные замыслы о Слове Игорева полка», а потом «при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки»². Когда, много лет спустя, Б. Л. Модзалевский разбирал библиотеку поэта, каталог которой составил, он обнаружил только один лоскуток, на котором поэт набросал возражение на замечание Сенковского³ по поводу слов «Хочу копые преломити, а любо испити». Этот драгоценный листок лежал в изданной в 1833 г. книге А. Ф. Вельтмана «Песнь ополчению Игоря Святославича, Князя Новгород Северского», которую Пушкин испещрил своими замечаниями⁴. Может быть, из библиотеки Пушкина попала к А. А. Краевскому маленькая заметка, о которой см. ниже («Стуга то же, что туга...»); может быть еще выплывет на свет что-нибудь из этих лоскутков. В библиотеке поэта дошло до нас несколько книг, посвященных

¹ «Русский архив» 1902, III, 170—171.

² «Русский архив» 1873, I, 955.

³ В «Библ. для чтения», 1834 г.

⁴ Б. Л. Модзалевский. «Библиотека А. С. Пушкина». — «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб, 1910, стр. 20—21; тут же facsimile возражения Пушкина Сенковскому. Заметки Пушкина на полях книги Вельтмана Б. Л. Модзалевский здесь напечатал все вплоть до последней, записанной на задней странице обложки «Слава на судъ приведе». Однако тут у Модзалевского оказывается неточность, и весьма существенная. Вот правильная транскрипция:

Слава на судъ приведе.

у

Очевидно, Пушкин сомневался в правильности передачи изданием 1800 г. данного места, подозревал, что редакция ошиблась, приняв прямое дополнение за подлежащее в следующих словах: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе», и намерен был предложить исправленное чтение: «Бориса же Вячеславича славу на судъ приведе», где подразумеваемым подлежащим должно быть подлежащее предыдущей фразы: «Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ» — и он же привел на суд славу (похвальбу) Бориса Вячеславича.

ПРОПОЗИЦИЯ

Первое из них состоит в том, что в настоящее время в нашей стране...

рассматривается возможность не только вернуть в нашу страну...

(И. С. Козин)

Понимая, что путь обратный процесс ускорения...

Слову, в том числе вышедшая в 1834 г.¹ брошюра С. В. Руссова, специально исследовавшего вопрос о подлинности поэмы, который особенно интересовал Пушкина, и издание Ганки с чешским и немецким переводом; экземпляр последней книги переплетен с чистыми прокладными листами между страницами, — повидимому Пушкин сам велел переплести таким образом эту книгу, предназначая белые листки (они так и остались чистыми) для своих замечаний². Был у него еще один экземпляр ее, но Пушкин послал его, через А. И. Тургенева, одному французскому ученому. А. И. Тургенев писал своему брату Николаю Ивановичу 13 декабря (ст. ст.) 1836 г., что Пушкин «хочет сделать критическое издание сей песни вроде Шлецерова «Нестора» и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей, но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского»³. Сам А. И. Тургенев для этой работы дал Пушкину имевшийся у него экземпляр Слова с рукописными замечаниями, — важными, по словам Тургенева, в отношении восточных языков, — археолога А. Я. Италинского⁴.

¹ В этом же году появились направленные также против признания подлинности Слова высказывания М. Т. Каченовского и И. И. Давыдова (см. выдержки у Н. К. Козмина в примечаниях к IX т. Соч. Пушкина, изд. Академии наук, ч. 2, стр. 598—601). Вообще это было время весьма живого внимания к Слову.

² «Библиотека Пушкина», 245, № 969.

³ П. Е. Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3-е, Лг., 1928, стр. 278; см. по этому поводу записку А. И. Тургенева к Пушкину («Русский архив» 1903, III, стр. 669, и Переписка Пушкина, изд. Академии наук, III, стр. 421, № 1108).

⁴ «Русский Библиофил» 1916, № 4, стр. 34—35.

Замечания Пушкина на Слово о полку Игореве, к счастью, не пропали, по крайней мере в главной и большей своей части, которая с 1855 г. печатается во всех собраниях его сочинений. Но до сих пор все они не собраны вместе и не приведены в связь, а кое-что игнорировано даже самыми полными изданиями. Здесь не место (да и размеры статьи не позволяют) рассматривать подробно и по существу взгляды Пушкина на Слово о полку Игореве. Скажем лишь, что специалисты филологи и историки литературы, исследуя работу Пушкина над изучением Слова (этого они до сих пор не делали с тем вниманием, какое в данном случае должно быть приложено), обязаны будут отвести великому поэту одно из самых почетных мест в ряду критиков и комментаторов знаменитого памятника. Судя по началу работы Пушкина, он полагал глубокое основание своему исследованию и стремился охватить предмет с чрезвычайной широтой и строгою научною требовательностью, которая сделала бы честь не только просто «писателю», каким он и был, но и настоящему ученому академического типа. Нечего и говорить о гениальном поэтическом чутье Пушкина, сказавшемся в его горячей защите подлинности Слова, — но он предвосхитил некоторые положения, впоследствии разработанные и установленные другими исследователями, а его толкование начала Слова и теперь взывает о пересмотре возбужденного им вопроса.

В 1937 г., когда минет сто лет со дня кончины Пушкина, состоится всенародное торжественное чествование памяти великого поэта. К тому же году можно приурочить еще одну юбилейную дату, более внушительную по своей седой древности: 750-летие Слова о полку Игореве¹, произведения гения, который бесспорно был от-

¹ И. Н. Жданов доказывал, что Слово написано в 1187 г. (в статье «Литература слова о полку Игореве» — Сочин., т. 1); это мнение защищает В. А. Келгуля («Слово о полку Игореве. Перев., прим. и

даленным духовным предком Пушкина, его ранним предтечею в русской культуре.

II

Когда вышла в свет работа Вельтмана, М. А. Максимович поместил в «Молве» разбор ее, где, между прочим, писал: «кто сроднился с духом песен и дум украинских и вдумывался в красоты Слова о полку Игореве, тому не покажется странным, если сказать, что в них однородство поэтических характеров, что Слово о полку Игоря есть начало той южно-русской эпопеи, которая потом звучала и звучит еще в думах бандуристов и во многих песнях украинских, и что песнь Ярославны есть, так сказать, тема, которая распевается в дышащих любовью женских песнях украинских»¹. В письме 17 февраля 1833 г. к князю П. А. Вяземскому Максимович спросил, что скажет Пушкин по поводу его мнений о «поэтическом однородстве» Слова о полку Игореве с украинскими народными песнями².

Мнение Пушкина было тем ценнее для Максимовича, что в Пушкине он видел мастера того же творческого рода, гениальный образец которого дал много веков тому назад автор Слова о полку Игореве: «первородный,

объясн. статьи», 3-е изд., Лг. 1930, стр. 84—89). А. И. Лященко («Этюды о Слове о полку Игореве» — «Изв. II Отд. Ак. Н.», т. XXXI, 1926) относит Слово к 1185 г. Существенного научного значения это небольшое различие не имеет. Хронология Слова устанавливается в самых узких пределах, с точностью, которая не представляется достижимой в отношении некоторых, довольно крупных, произведений Пушкина.

¹ «Молва» 1833 г. № 23—24; перепеч. в Сочин. М. А. Максимовича, т. III, Киев, 1880, стр. 656—660. Общую мысль свою Максимович снова выразил в «Украинских народных песнях», ч. I, 1834, стр. 68, а слова о плаче Ярославны вскоре почти дословно повторил в своих университетских лекциях, напеч. в «Ж. М. Н. Пр.» 1836—7., гг. и перепеч. в Сочин., III, стр. 532.

² «Старина и Новизна», кн. IV, СПб 1901, стр. 192—193.

изящный образец собственно-русской настоящей *Исторической Поэмы*¹. Новыми явлениями и, так сказать, продолжением сего рода поэзии были потом южно-русские или украинские песни и думы былевые (исторические), по моему замечанию ближайшие и однороднейшие с песнию о полку Игореве... В новейшее время русская поэзия, при переходе своем к самобытности, явилась *Историческою Поэмою* в поэме Пушкина *Полтава*². Десять лет спустя Максимович повторил эти свои слова о «Полтаве», в которой «так много мотивов чисто-русских, совершенно народных», и не без гордости вспомнил, что писал о ней, вскоре после ее появления, в «Атенеи»³, — здесь он защищал Пушкина лишь в отношении исторической достоверности героев поэмы, но рецензия эта была одною из самых веских и притом немногих одобрительных (в альманахе «Денница» на 1831 г., изданном Максимовичем, Пушкин напечатал свой ответ критикам «Полтавы»). «Приятно мне вспомнить, что о «Полтаве» Пушкина я первый (1829), в «Атенеи», писал как о поэме народной и исторической; незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью, и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия»⁴. Много лет спустя Максимович вспомнил⁵ свою беседу с Пушкиным об украинских песнях. «В 1829 г., когда Пушкин воротился в Москву из своего закавказского стран-

¹ Патетические заглавные буквы и курсив принадлежат самому Максимовичу.

² Те же университетские лекции 1835 г., перепеч. в Соч. Максимовича, III, стр. 512—514.

³ 1829 г., № 6, «О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении».

⁴ «О народной исторической поэзии в древней Руси». (Письма к М. П. Погодину).—«Москвитянин» 1845 г.: перепеч. в Соч. Максимовича, III, стр. 490—491.

⁵ «Оборона украинских повестей Гоголя»—газ. «День» 1861 г.; цитирую по перепечатке этой статьи в «Литературном вестнике» 1902 г., т. III, кн. I, стр. 113.

ствования, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты Малороссийские песни моего издания 1827 года. „А я это обкрадываю ваши песни!“ — сказал он и, взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мені в жинкою не возиться,
А тютюн да люлька
Козаку в дорози
Знадобиться!¹

Может быть еще уцелело где-нибудь это, памятное для меня, письмо ²...» Тут же Максимович вручил Пушкину список одной, тогда еще неизданной, песни о Мазепе, и поэт, прочтя ее дважды, повторил уже наизусть следующий куплет:

У Києви на Подолі порубаны груши;
Погубив же пес Мазепа невинные души!³

Весною 1834 г. вышла книжка, для Пушкина представлявшая бесспорный интерес: «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем», часть первая, М., 1834 ⁴; в подготовке ее принимал участие и судьбою ее весьма интересовался Гоголь, который тогда сам изучал и собирал украинские песни и как раз в то время был в близком общении с Пушкиным ⁵. На одной записке

¹ Из казачьей песни о забубенном Сагайдачном (не надо его смешивать с известным Сагайдачным-Конашевичем), том, «що проміняв жинку на тютюн да люльку».

² Письмо это неизвестно. Вероятно, оно относилось к вживавшим поэта в ту пору матримониальным планам и сопровождал им их колебаниям.

³ Эту песню о Мазепе Максимович потом (1834 г.) включил в свой сборник «Украинские народные песни», стр. 110—111.

⁴ Экземпляр с надписью Максимовича, подаренный им Пушкину, сохранился в библиотеке поэта («Пушкин и его современники», IX—X, стр. 61, № 227).

⁵ В письме к Максимовичу 20 апреля Гоголь обещал его сборником «похвастаться Пушкину» («Письма Гоголя», I, стр. 291—292).

Гоголя к Пушкину, относящейся к июлю 1834 г., находятся следующие строки, набросанные рукою Пушкина, очевидно, вскоре по получении записки¹:

Черна роля заорана
Гей гей
Черн. etc.
И кулями засіяна
Билымъ тиломъ взволочена
Гей гей
И кровію сполочена
etc.

Это первый куплет галицкой песни, напечатанной Максимовичем в только что вышедшем сборнике, в числе «Песен войсковых» (стр. 154):

Чорна роля заорана — гей, гей —
Чорна роля заорана
И кулями засіяна,
Бълымъ тълумъ зволочена, — гей, гей —
И кровю сположена.

Пушкин довольно точно воспроизвел песню, не соблюдая впрочем условной украинской орфографии Максимовича и сбившись в одном слове на великорусское произношение (взволочена).

Для чего понадобилась Пушкину эта выписка? Надо думать, что она стоит в связи с вопросом, которым занимался и который задавал ему Максимович: с вопросом о «поэтическом однородстве» Слова о полку Игореве украинских народных песен и с собственными занятиями Пушкина Словом. Одним из самых поэтических мест древней поэмы Пушкин считал описание битвы. Их два в Слове. В одном из них находится ярко-образное сравнение битвы с земледельческой работой: «Чръна земля под копыты костыми была посіяна, а кро-

¹ Общий автограф Гоголя и Пушкина фотолитографически воспроизведен в «Русской Старине» 1879 г., апр., между стр. 776 и 777.

вію поляна; тугою въздыша по Руской земли». («Черная земля под копытами костями была посеяна, кровью полита, и скорбью възшли они по русской земле»). В другом месте описан другой бой: «На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями Рускихъ сыновъ». («На Немиге снопы стелют головами, — вместо снопов стелют головы, как передано в издании 1800 г., — молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, отвѣают душу от тела. Кровавые берега Немиги не добром были засеяны, засеяны костями сынов Руси»). Образ из той же области находим еще в одном месте Слова: «при Олзѣ Гориславличе сѣяшеться и растяшеть усобицами» («при Олеге Гориславичи [горе]¹ сеялось и возрастало [всходило] междоусобиями»).

Максимович усматривал в этих сравнениях исключительную особенность южно-русского творчества. «Поле жатвы обратилось в поле брани, — говорил он: — вот, кажется, задушевная мысль южно-русского певца, с которою он представляет битву на родимой земле своей, ибо он изображает ее красками земледельческого быта — пашнею, посевом, молотьбою...» и, приведя вышеупомянутую песню «Чорна роля заорана», заключает: «итак уподобление поля битвы пашне есть черта южно-русской поэзии»². Впоследствии Максимович привел еще один пример, из украинской думы о походе Хмельницкого в Молдавию³, и снова повторил, что «изображение битвы работами земледельческими есть характерная черта поэзии южно-русской, продолжавшаяся в песнях и думах

¹ А. А. Потебня («Слово о полку Игореве. Текст и примечания.» Изд. 2-е, Харьков 1914, стр. 41—55) предложил вставить подлежащее: «горе».

² Соч. Максимовича, III, стр. 524—526 (из университет. лекций 1835 г.)

³ Напеч. в его «Украинских народных песнях» 1834 г., стр. 41.

украинских»¹. Однако и в великорусской² поэзии, и в белорусской немало есть примеров подобных сравнений, изображающих посев горя (а также противоположно — счастья) или битву как оранье поля³, веянье и молотьбу хлеба.

Задолго до того, как внимание Пушкина было привлечено украинской песней «Черна роля заорана», он воспользовался в «Полтаве» сравнением из той же области метафор:

Как пахарь битва отдыхает.

Не подлежит сомнению, что сравнение это не самостоятельно создано воображением Пушкина, а взято из древнего, готового эпического запаса, который нашему поэту был хорошо знаком. Оно могло быть ему навеяно либо словом о полку Игореве, либо великорусскими народными песнями, которые были ему ближе и известнее украинских, и в которых изображение битвы земледельческими образами встречается не реже, а даже чаще, чем в украинских⁴.

Не черным-то зачернелось, —
Зачернелось турецкое чисто поле;
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами;

¹ «Замечания на Песнь о полку Игореве в стихотворном переводе Гербеля» («Москвитянин» 1855 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 114; перепеч. в Соч. Максимовича, III, стр. 599). В одной песне даже «виорала Марусенька мислоньками поле, чорними очима тай заволочила» («Исторические песни малорусского народа». С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Киев, т. I, 1874, стр. 47).

² См. примеры, приводимые Потебней (стр. 56, 57—59, 62, 125, 126).

³ Впоследствии и другой наш народный поэт, Некрасов, упомянул о «кровоавой ниве» («Внимая ужасам войны...»)

⁴ Связь Слова о полку Игореве с великорусским эпосом хорошо установили Н. С. Тихонравов, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, П. В. Владимиров (см. М. А. Яковлев, «Слово о полку Игореве и былинный эпос», Пг., 1923, стр. 3—4).

Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями...¹

Одна песня петровской эпохи, именно времен борьбы с Швецией, открывается таким зачином²:

При край было синего моря,
При усть было тихого Дунаю,
Тут распахана была пашня:
Не плугами и не сохами, —
Добрных коней копытами;
Посеяна была пашня
Еще теми же драгунскими телами;
Взборонована была пашня
Еще теми же муравецкими копьями;
Поливана была пашня
Тою ли христианской кровью.

В другой песне той же эпохи, как раз о полтавском бое³, которая могла быть известна Пушкину, говорится:

Подымалась Полтавска баталя...
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

¹ Песня Екатерининских времен о Зориче и Краснощекове («Песни, собранные П. В. Киреевским», изд. Общ. люб. росс. словесн., под ред. П. А. Бессонова, вып. 9, М., 1872, стр. 220). Ближе к ней по образам стоит русская казачья песня о сражении с киргизами на реке Утве, 1723 г., сообщаемая И. И. Железновым («Уральцы», т. III, изд. 3-е, СПб., 1910, стр. 70, 72, 73), который при этом упоминает о двух великорусских песнях, напечатанных П. В. Шейном (1854 г.). Ср. с песнею об утвинском сражении, напеч. в «Песнях, собр. П. В. Киреевским. Новая серия», изд. Общ. люб. росс. словесн. под ред. М. Н. Сперянского, вып. II, ч. 2, стр. 226, № 2527).

² «Песни собр. П. В. Киреевским», вып. 8, М. 1870, стр. 127—228.

³ Там же, стр. 173.

III

Свое письмо к И. И. Лажечникову о «Ледяном Доме» Пушкин закончил следующими словами. «Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?» Лажечников ответил: «объясню вам, почему я употребил слово *хобот* в „Ледяном Доме“ и, кажется, еще в „Последнем новике“. Всякий лихой сказочник вместо того, чтобы сказать „таким-то образом, каким-то путем“, пощеголяет выражением „таким-то хоботом“. Я слышал это бывало от моего старого дядьки, слышал потом не раз в народе московском, следственно по наречию великороссийскому»¹. В. И. Даль внес это слово в свой «Толковый словарь живого великорусского языка» с объяснением, что оно значит «хвост», а в новгородском крае употребляется в значении околицы, крюка, окружного пути. Мне кажется, что выражение «каким хоботом» создано балагурством и подсказано рифмой. Словом «хобот» заменено здесь другое, рифмующее: «побыт», образ или род действия, как объясняет тот же Даль, притом с ироническим оттенком, — не просто путем, а окольным путем, уловкой².

Слово *хобот* интересовало Пушкина, несомненно, потому что оно однажды упоминается в Слове о полку Игореве, притом в таком месте, контекст которого вызывал в свое время недоумение: «рози нося им хоботы пашуть». Все это место переведено в издании 1800 г.: «Теперь знамена его [старого Владимира] достались одни Рюрику, а другие Давыду; их носят на рогах, вспахивая землю». Столь же бессмысленный перевод нашел Пуш-

¹ Переписка Пушкина, изд. Акад. наук, т. III, стр. 250, 256.

² Выражения: «каким побытом», «таким побытом» на каждом шагу встречаются в колоритной речи уральских казаков («Уральцы» Иосафа Железнова).

кин и у Вельтмана: «им отданы роги, хвосты землю па- шут!», притом с соответствующим объяснением: «певец Игоря выражает сими словами бедственное положение России; он хочет сказать, что цвет народа под знаме- нами Рюрика и Давыда, на войнах... *рогов* нет, остались одни *хвосты*¹; сила России на Дунае, только слабые остались в домах своих». Таким переводом и вполне до- стойным переводом комментарием Пушкин, разумеется, не мог удовлетвориться и, повидимому, искал иного толко- вания. Действительно, впоследствии была найдена удач- ная конъектура², в наше время всеми принятая: «рознь ся имъ хоботы пахуть», т. е. «их бунчуки (знамена) развева- ются врознь» (указание на разлад).

Вот еще один след внимания Пушкина к этому слову. Это коротенькая строчка, которую Пушкин набросал ка- рандашем на записке, полученной им в мае 1836 г. от П. Я. Чаадаева³: «въ хоботы — създи —».

IV

«Копіа поють», читаем мы непосредственно затем в Слове о полку Игореве. Быть может это выражение по- служило Пушкину для более удачного применения. В пьесе «Конь» («Песни Западных Славян»): «пенье стрел», — этой подробности нет в оригинале Меримэ («Le cheval de Tho- mas II»). В «Сказке о царе Салтане» тоже «стрела за- пела». «Выражение о копьях, что они поют, крайне слабо, ибо копья не брячат», писал один комментатор Слова.

¹ В своем романе «Святославич, вражий питомец», ч. I, М., 1835, стр. 62, и прим., стр. 22, Вельтман снова объяснил (правильно), что хобот — хвост.

² См. Потебня, стр. 133—134.

³ На эту строчку любезно обратил мое внимание Д. П. Якубо- вич. Самая записка Чаадаева, которую устанавливается *terminus ante* quem заметки, хранится в ИРЛИ и давно напечатана (вошла в акад. издание Переписки Пушкина, III, стр. 315, № 1016).

«Но — возразил Потебня ¹ — оно весьма изобразительно, если под ним понимать то, что понимал уже А. Пушкин, у которого *пенье стрел*». Наш поэт, разумеется, согласился бы с Потебней.

V

Однажды Пушкин записал на узенькой полоске бумаги ²: «Стуга то же, что туга. Как скопь — и копь». Эта заметка также относится к изучению Слова о полку Игореве, где два раза встречается один и тот же прекрасный образ, которым передается скорбь: «ничить трава жалошами, а древо *стугою* к земли преклонилося», «уныша цветы жалобою, и древо *стугою* к земли прѣклонило». Так напечатаны эти места в первом издании Слова ³, бывшем первоисточником и для Пушкина. Как и многие тогда, поэт не догадался, что древний переписчик соединил два слова: с (предлог) и *тугою* (со скорбью), и, думая, что «стугою» такой же творительный падеж без предлога, как «жалошами», подыскал для объяснения формы, вызвавшей недоумение, аналогию в двух словах ⁴, имеющих одинаковый смысл с тою же приставкою с и без нее.

VI

Матушка Петруши Гринева знала наизусть все «свычай и обычай» своего мужа («Капитанская дочка», гл. I). Выражение это Пушкин заимствовал из Слова о полку Игореве. Князь Всеволод в чаду боя не обращает вни-

¹ Стр. 135.

² Хранится в бумагах А. А. Краевского, в ленинградской Публичной Библиотеке («Отчет И. Публ. библ. за 1889 г.», СПб, 1893, стр. 57).

³ Стр. 18—19, 42—43.

⁴ В «Толковом словаре» Даля приводится оба эти слова: и «скоп», и «коп».

мания на свои раны и не вспоминает ни почестей, ни своего наследного Чернигова, ни даже своей милой жены, «красныя Глѣбовны свычай и обычая». У Вельтмана Пушкин нашел плохой перевод: «забывшему... подругу прекрасную Глѣбовну, дружбу, привычки»¹. С легкой руки Пушкина «свычай и обычай» в юмористическом освещении стали «крылатым словом»².

¹ См. подробное объяснение у Потебни, стр. 48—50.

² М. И. Михельсон по праву включил его в свой известный сборник «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» т. II, стр. 229, № 34, причем привел только один пример, взятый из «Проселочных дорог» Д. В. Григоровича, упустив из виду «Капитанскую дочку» и переделав (двукратно) свычай в «свычки» (sic!). Нашли мы «свычай и обычай» также в повести Е. И. К. (Елены Иван. Вельтман, жены Ал. Ф-ча) «Лидия» (Москвитянин 1848, ч. III, № 6, кн. VI, стр. 80).

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“
— 1833—1837 —

Вып. II.

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 4